

ЗОЛОТАЯ МИНИАТЮРНАЯ «БЛЯШКА» ИЗ КАТАКОМБНОГО ПОГРЕБЕНИЯ 1577 ПАЛАСА-СЫРТСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА IV–V ВВ.: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ И СТИЛИСТИКИ ДЕКОРА

© 2023 г. Л.Б. Гмыря

Данная статья посвящена уникальному ювелирному изделию, условно обозначенному как «бляшка», обнаруженному в катакомбном захоронении кургана 1577 Паласа-сыртского могильника IV–V вв. Этот предмет представляет интерес как с точки зрения его функционального назначения в комплексе сохранившегося инвентаря (погребение было ограблено) и как образец высокой степени ювелирного искусства, запечатленного в его декоре. Уникальными являются также имеющиеся показатели технологии его изготовления, обстоятельств использования и сохранившиеся следы починки повреждений. Изделие выполнено из золота. На лицевой стороне круглой пластины диаметром 1,3 см при толщине менее 1 мм помещена вставка из перламутра диаметром 0,8 см. Краевой участок пластины-основы декорирован орнаментом из зерни (151 экз. ядрышек). На тыльной стороне «бляшки» припаяны две петельки ленточной формы. По стилю (округлость формы, наличие вставки в центральной части из полудрагоценного материала и декора из зерни) данное изделие практически идентично бляшкам, получившим широкое использование в ювелирном искусстве начального периода (IV–V вв.) времени Великого переселения народов. Однако детальный анализ технологии изготовления, состояния изношенности и небрежность починки Паласа-сыртского образца указывают на его иное функциональное назначение, возможно, связанное с предметом вооружения.

Ключевые слова: археология; Восточное Предкавказье, курганный могильник Паласа-сырт, IV–V вв., золотая миниатюрная бляшка, стилистика декора, функциональное назначение

MINIATURE GOLDEN “BADGE” FROM THE CATACOMB BURIAL 1577 OF THE PALASA-SYRT BARROW FIELD OF THE IV–V CENTURIES: FUNCTIONAL FEATURES AND PECULIARITIES OF DECOR

L.B. Gmyrya

This paper deals with a unique piece of jewelry, conventionally designated as a “badge”, found in the catacomb burial 1577 of the Palasa-Syrt burial ground of the IV–V centuries. This piece is of particular interest both from the point of view of its functional purpose in the complex of preserved burial equipment (the burial was plundered) and as an example of a high degree of jewelry art, reflected in its decor. The available indicators of the manufacturing technology, the circumstances of use and the traces of repair are also unique. The piece is made of gold. On the front side of a round plate with a diameter of 1.3 cm and a thickness of less than 1 mm, there is a pearl insert with a diameter of 0.8 cm. The edge of the base-plate is decorated with granulation (151 granules). On the back side of the “badge” two tape-shaped loops are soldered. In terms of style (roundness of shape, the presence of an insert in the central part made of semi-precious material and granulation decor), this artifact is almost identical to the badges, that were widely used in the jewelry art in the beginning (IV–V centuries) of the Great Migration period. However, a detailed analysis of the manufacturing technology, the state of deterioration and a slipshod repair work of the Palasa-Syrt sample indicate its other functional purpose, possibly related to weapons.

Keywords: archaeology, East Fore-Caucasus, Palasa-Syrt barrow field, IV–V centuries, miniature golden badge, decor style, functional purpose.

Паласа-сыртский курганный могильник, сформировавшийся на возвышенности Паласа-сырт, расположенной на побережье Каспийского моря к югу от г. Дербента, занимает ее северный и южный участки, разделенные руслом р. Рубас (Гмыря, 1993, с. 44; 2013, с. 110, рис. 2–5). На южном участке могильника захоронения составляют обособленные компактные группы (Гмыря, 2013, рис. 5). В 2009–2016 гг. Паласа-сыртской археологической экспедицией ИИАЭ ДФИЦ РАН были проведены раскопки курганных групп № 1–7.

При исследовании в 2015 г. курганной группы № 6, включавшей восемь курганов (кк. 1569–1575, 1577), в нарушенном грабителями погребении кургана 1577 (Гмыря, 2015б, с. 105–141; 2016, с. 157–170, 181–188) среди сохранившегося инвентаря было обнаружено золотое миниатюрное изделие в виде бляшки круглой формы с двумя петельками на тыльной стороне (Гмыря 2015б, с. 123, рис. 11:18). Поверхность была украшена вставкой из перламутра и декором из мелкой зерни золотом (рис. 1: 1–1А).

Образцы подобного стиля широко использовались как декоративные элементы в престижных ювелирных изделиях начального периода эпохи Великого переселения народов (IV–V вв.), но также и как самостоятельные предметы украшения женских костюмов (Засецкая, 1994, с. 23–68, табл. 3–8, 12–15, 17–19 и др., рис. 11–12, 27).

Бляшку из погребения 1577 Паласа-сыртского могильника формально можно причислить к предмету украшения. Но некоторые показатели технологии изготовления этого изделия, состояние изношенности, обусловленное значительными нагрузками в рамках использования, и небрежность починки (наличие грубых следов золотого напоя) свидетельствуют о его ином функциональном назначении, нежели ювелирное украшение.

Цель данного исследования состоит в определении функционального назначения золотого изделия, условно обозначенного как «бляшка» со вставкой, выявленного в погребении кургана 1577 Паласа-сыртского могильника.

Методика раскрытия функционального назначения данного предмета инвентаря погребения 1577 Паласа-сыртского курганного могильника включает выявление особенностей внешнего вида «бляшки» (состояние внешней поверхности «бляшки»; состояние

двух петелек для ее крепления; обусловленность некачественного ремонта основы «бляшки» и др.).

Для установления датировки данного комплекса важное значение имеет исследование стилистики декора золотой «бляшки», его места в развитии способов декорирования подобных изделий орнаментом из зерни.

Курган 1577 находился на значительном удалении от других курганов, составлявших компактную группу № 6, в 46 м к северо-западу от них (Гмыря, 2015б, рис. 41). Он хорошо выделялся на поверхности могильного поля, внешних повреждений насыпи не было видно. Диаметр кургана 1577 по линии С–Ю составил 9,5 м, высота в центре до уровня древнего почвенного слоя – 0,5 м (Гмыря, 2016, рис. 43: 1–2).

В южном секторе курганной насыпи на уровне материка (–0,36 м) была обнаружена каменная плита (плотный мелкозернистый ракушечник с включением гальки) с параметрами 0,6×0,49×0,11 м. Плита, вероятно, представляла собой заклад входа в погребальную камеру, перемещенный из погребального сооружения на уровень подошвы кургана в результате ограбления.

Погребальное сооружение кургана 1577 представляло собой катакомбу с поперечным расположением погребальной камеры относительно входной ямы (Гмыря 2015б, рис. 10:1). Входная яма была ориентирована по направлению СЗЗ–ЮВВ. Вход в камеру был расположен в северо-западной стенке входной ямы. Длина входной ямы на поверхности была 2,15 м, ширина в средней части – 0,59 м. Дно входной ямы имело значительный уклон ко входу в камеру (разница в уровнях dna входной ямы 0,65 м). Глубина входной ямы у входа в камеру составила 1,2 м (Гмыря, 2015б, рис. 10:2).

Значительная покатость dna входной ямы была обусловлена особенностями грунта на территории нахождения этого погребального сооружения. Верхний уровень грунта (сцементированный суглинок) имел толщину 0,19 м. Он подстилался мощным слоем мелкозернистого песка. Дно входной ямы было расположено в слое мелкозернистого песка.

Вход в погребальную камеру не был перекрыт закладом. Как отмечалось, погребение было ограблено, плита, перекрывавшая вход в камеру, была обнаружена в южной поле

кургана, на уровне его подошвы. Входное отверстие получило небольшое повреждение при вскрытии камеры грабителями.

Погребальная камера находилась относительно длинной оси входной ямы под углом в 73°. Она имела в плане эллипсовидную форму. Ее длинная ось была ориентирована практически в меридиональном направлении, отклонение от линии С–Ю к востоку составляло 11° (Гмыря 2015б, рис. 10:1).

Пол камеры и стенки на высоту 1,05 м находились в слое мелкозернистого песка, ее свод – в слое цементированного суглинка. Свод погребальной камеры просел в результате маломощности суглинистого слоя, в котором он был сооружен, а также, видимо, в процессе вскрытия камеры грабителями. Высота свода камеры была предположительно 1,15 м.

Полость камеры была заполнена грунтом (песок, супесь темно-коричневого цвета, суглинок) – результат вскрытия камеры грабителями.

В погребальной камере находились разрозненные костные останки женщины 50–60 лет. Они были сосредоточены в юго-западном конце камеры и в ее центральной части, напротив входа (Гмыря 2015б, рис. 10:1). Костные останки лежали выше уровня пола камеры на слое песка толщиной 0,1–0,15 м.

Скопление костных останков в юго-западной части камеры включало хорошо сохранившийся череп, две целые плечевые кости, обломки ребер и две ключицы. Череп лежал на дне камеры на правой стороне, лицевыми костями обращенными к юго-восточной стенке. Нижняя челюсть была сдвинута со своего места. Она приварилась к внутренней стороне черепа. Плечевые кости находились сверху черепа параллельно друг другу, обломки ребер – рядом с черепом. Одна из ключиц лежала с западной стороны черепа (Гмыря 2015б, рис. 10:1).

В центральной части погребальной камеры, у северо-западной продольной стенки, лежали параллельно друг другу две большеберцовые кости ног с расстоянием между ними 0,06 м. Слева от них находились обломки костей скелета (Гмыря 2015б, рис. 10:1). Судя по положению костей ног, погребенная была захоронена головой к юго-западу.

Погребение было ограблено в древности, но сохранилась часть инвентаря, который находился во входной яме и в погребальной камере.

В погребальной камере находилось 16 единиц инвентаря: керамический кувшин; бусины стеклянные, сердоликовые, из горного хрусталя; подвески в виде головок бычков из синего стекла и перламутра, а также фрагменты бронзового и серебряного изделий (Гмыря 2015б, рис. 11:1–17, 19).

Одна из стеклянных подвесок в виде головки бычка, а также сдвоенная стеклянная бусина и фрагмент бронзового изделия были обнаружены в выбросе грунта из погребальной камеры.

Часть инвентаря была зафиксирована во **входной яме**: золотая «бляшка» с петельками; стеклянная распавшаяся бусина; фрагмент серебряной пластины круглой формы; фрагмент железного изделия размером 1,0×1,5 см и обломок стенки керамического сосуда (Гмыря 2015б, рис. 11:18, 6–7).

В общей сложности в погребении кургана 1577 зафиксирована 21 единица инвентаря. Однако некоторые специфические данные о состоянии костных останков в этом погребении свидетельствуют о том, что инвентарь погребенной включал также головные и нагрудные украшения из серебра. Часть костей черепа и костей скелета, находившихся рядом с ним, была окрашена в зеленый цвет, что свидетельствует об их длительном контакте с изделиями из серебра, причем окисленных во влажной среде (Гмыря, 2016, рис. 461–467, 469, 470).

В зеленый цвет были окрашены: 1) угол нижней челюсти (левая ветвь); 2) плечевой конец правой ключицы (сверху); 3) плечевой конец левой ключицы (сверху и снизу); 4) верхний конец первого ребра (обломок) (верхний конец); 5) обломки ребер (поверхностный уровень) – 4 экз.; 6) обломок плечевой кости (поверхность); 7) обломки грудинных концов двух ключиц (возможно, обломки суставных отростков позвонков).

Исходя из наличия окислов серебра на определенных костях скелета погребенной убор ее костюма, видимо, был идентичен женским уборам из других статусных погребений Паласа-сыртского могильника, включавших височные привески длинно-ленточной формы с фигурным расширением на конце, а также пару двупластинчатых фибул, к которым привязывалась низка бус. Возможно, учитывая утрату окисленных изделий в результате ограбления, височные привески и

фибулы погребения 1577 имели поверхностную обтяжку золотой фольгой и инкрустацию ювелирными камнями. Украшения подобной технологии изготовления были выявлены в погребениях курганов № 193, 244, 478 (Гмыря, 2013, рис. 7:1–2; 12:1–2; 32: 5–8; 2014, с. 25–42; 2015а, с. 194–228).

Имеющиеся данные показывают, что ограбление этого комплекса произошло через значительный промежуток времени после совершения погребения.

Из сохранившегося инвентаря наибольшей полнотой отличается ожерелье погребенной. Оно включало бусы из различных материалов (стекло, сердолик, горный хрусталь) и подвески в виде головок бычков с рожками серповидной формы. В камере находилось девять бусин (Гмыря 2015б, рис. 11:8–16) и три подвески в виде головок бычков (Гмыря 2015б, рис. 11:1–2, 4). Еще два предмета из ожерелья – подвеска в виде головки бычка (Гмыря 2015б, рис. 11:3) и двоякая стеклянная бусина (Гмыря 2015б, рис. 11:17) – выявлены в выбросе из погребальной камеры.

Предметы ожерелья погребенной находились в погребальной камере в 20 см к северу от черепа погребенной (Гмыря 2015б, рис. 10:1А). Они были расположены в виде прямой линии протяженностью в 43 см, направленной с востока на запад. Перламутровая подвеска в виде головки бычка с рожками серповидной формы находилась на расстоянии 0,4 м к северу от основного местонахождения ожерелья, у входа в погребальную камеру. Это обстоятельство может быть интерпретировано как попытка выделить грабителями это изделие как особое, но оброненное при выносе из камеры.

В погребальной камере находился также небольшой керамический кувшин (высота 16 см) серого цвета с заглаженной поверхностью. Ручка сосуда имела зооморфную форму (Гмыря 2015б, рис. 11:19). Кувшин стоял на расстоянии 20 см от черепа, слева от него (Гмыря 2015б, рис. 10:1). Сосуд имел значительные следы изношенности: потертости на поверхности тулова, повреждения верхнего уровня венчика горловины, глубокие вертикальные трещины на тулове. В тесте имеются добавки большого количества мелко толченой ракушки, битой керамики серого цвета и небольшое количество слюды. Состоя-

ние керамического сосуда свидетельствует о длительности его использования в быту.

Золотая «бляшка», составляющая основной предмет исследования данной статьи, была обнаружена во входной яме погребения 1577. Она находилась на уровне дна, на расстоянии 0,48 м к востоку от входа в камеру (Гмыря 2015б, рис. 10:1). Вероятно, это изделие было потеряно грабителями при выносе инвентаря из погребальной камеры.

Золотая «бляшка» имела округлую форму, со вставкой белого цвета (перламутр) (рис. 1: 1–1А). Основание этого изделия выполнено из очень тонкой пластины (менее 1 мм) диаметром 1,3 см. Вставка диаметром 0,8 см была закреплена в гнезде, образованном узкой пластинкой шириной 0,2 см, припаянной к основанию «бляшки» на ребро.

Поверхность «бляшки» украшена мелкой зернью. Гнездо вставки обрамлено двумя рядами зерни, включающими 91 экз. ядрышек. Третий ряд оформлен в виде треугольников, составленных тремя ядрышками. Общее количество треугольных фигур – 20, включающих 60 золотых ядрышек (рис. 1: 1А).

На тыльной стороне «бляшки» припаяны две петельки ленточной формы с расстоянием между ними 0,4 см. Петельки имеют приплюснутую форму (ширина петелек 0,15 см, высота – 0,15 см). Края «бляшки» обрезаны неровно (рис. 1: 1А).

«Бляшка» подвергалась ремонту. На ее тыльной стороне по краю изделия сохранились следы золотого припоя в виде наслоения неправильной формы. Часть припоя имеется также и на лицевой стороне «бляшки», которым задеты три фигурки в виде треугольников (рис. 1: 1А).

Трудности интерпретации назначения этого изделия состоят главным образом в том, что погребение было нарушено грабителями. Это обстоятельство не дает возможности точно установить местоположение инвентаря в системе декора костюма погребенной. Полностью была разрушена и целостность костных останков, на которых могли сохраниться отпечатки нахождения утраченного инвентаря.

Анализ технологии изготовления «бляшки» из погребения 1577 Паласа-сыртского курганного могильника показывает, что, несмотря на драгоценный металл, из которого было сдела-

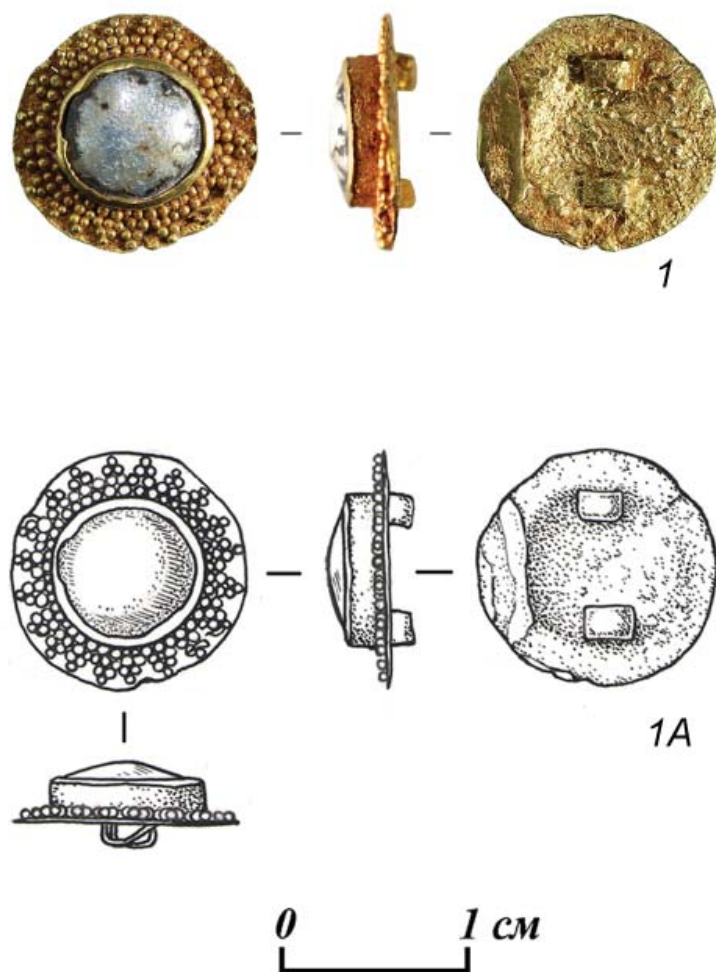

Рис. 1. Курганный могильник Паласа-сырт. Курган 1577. 1-1А - золотая бляшка.
 Fig. 1. Palasa-Syrt barrow field. Barrow 1577. 1-1A - golden badge.

но это изделие, оно не является предметом украшения. В изделии нет изыска, свойственного ювелирному искусству, и стремления изящно оформить краевой участок, обрезанный неровно.

Как самостоятельное изделие паласа-сыртская «бляшка» не могла функционировать. Сама основа изделия (пластина) – очень тонкая, толщиной менее 1 мм. Она отягчена декором, включающим тяжелую вставку из перламутра диаметром 0,8 см, оконтуренную золотым ободком, а также орнамент из золотой зерни, включающий 151 экз. ядрышек диаметром 0,5 мм. Причем каждое ядрышко золотой зерни имеет припой. На тыльной стороне изделия с помощью припоя закреплены две петли для установки на определенном месте.

Тыльная сторона золотой «бляшки» имеет своеобразную шероховатую поверхность (рис. 1: 1А). Создается впечатление, что на ней отпечатались ядрышки зерни, использованные в декоре ее лицевой стороны. Такое состояние тыльной стороны этого изделия могло образоваться в результате длительной опоры «бляшки» на жесткую поверхность, что подтверждается наличием существенной примятости петелек «бляшки».

Как отмечалось, округлость краевой части «бляшки» выполнена небрежно. Пластина, видимо, обрезалась после полного ее изготовления, т. е. нанесения рисунка из зерни и закрепления вставки.

Как представляется, тщательность оформления краевой части «бляшки» не требовалась, т. к. она, видимо, помещалась в специ-

альное углубление, где ее край не был виден. Поверхность места установки «бляшки» отличалась жесткостью. Петельки «бляшек» использовались для крепления ее к основе. Примятость петелек была намеренной, позволяющей прочно удерживать «бляшку» в месте ее установки. Возможно, при выносе грабителями погребального инвентаря из камеры «бляшка» была обронена. Ее потеря была обусловлена изношенностью изделия, в котором она была закреплена.

Золотое изделие из погребения 1577 Паласа-сыртского могильника, украшенное вставкой из перламутра и инкрустацией из зерни, использовалось длительное время. Как отмечалось, на оборотной и лицевой стороне этого изделия имеются следы починки (реставрации). Следует отметить также, что ободок, удерживающий вставку из перламутра полушаровидной формы, также отличается небрежностью исполнения (края бортика неровные) (рис. 1: 1А).

Таким образом, анализ технологии изготовления золотой «бляшки» из погребения 1577 Паласа-сыртского курганного могильника, особенностей ее использования, а также обстоятельств утраты грабителями показывает, что это изделие является составной частью (деталью) специфического инвентаря, вероятно на вершине рукояти кинжала. Хотя кинжал, как правило, является мужским атрибутом, но в определенных обстоятельствах он может служить символом власти вдовы правителя племени.

Прямых аналогий золотой «бляшке» из погребения кургана 1577 Паласа-сыртского могильника нам не удалось найти, хотя ее декор (центральная вставка, обрамленная зернью; треугольные напой из ядрышек зерни) вписывается в стилевое оформление золотых изделий разной функциональной направленности времени Великого переселения народов. Пришивными бляшками с вставками украшались налобные ленты знатных женщин. Многочисленными бляшками с вставками, обрамленными однорядной зернью, декорировались золотые диадемы, колты, шейные подвески. Вставки в основном округлой формы использовались и для других предметов одежды женщин, а также служили украшением деталей поясных наборов мужчин, рукоятей мечей и кинжалов, а также ножен драгоценного холодного

оружия. Встречаются они и в декоре снаряжений коней (См.: Засецкая, 1994, с. 23–68, табл. 3–8, 12–15, 17–19 и др.; Габуев, 2014, рис. 7:1; 8,1–3; 10; 11:1а–в; 12:7–8; 27:1–3, 78; 56:3; 58:1,35; Vona, 1991, s. 19, 270, Tab. 15; L'ordesprinces..., 2000, p. 124).

Отличие паласа-сыртской «бляшки» от других бляшек времени Великого переселения народов состоит в стилистике декора, а именно в способах украшения изделия зернью. Как правило, золотые бляшки этого периода украшены одним рядом зерни, опоясывавшим гнездо вставки и расположенным по ее краю. В Дагестане серия таких бляшек (7 экз.) представлена в материалах гробницы с богатым инвентарем из с. Ираги – круглой, овальной и треугольной формы с вставками из альмандина и сердолика (Абакаров, Давудов, 1993, рис. 49:6,9; Давудов, 2013, с. 59, рис. 4:3).

Паласа-сыртская «бляшка» имеет два ряда зерни вокруг гнезда со вставкой и дополнительно – концевые треугольные фигурки из ядрышек зерни в третьем ряду, формирующем край изделия, придавая ему зубчатый вид. Как представляется, золотая «бляшка» из погребения кургана 1577 Паласа-сыртского могильника относится к ряду престижных золотых изделий эпохи Великого переселения народов, характерной деталью которых были напой из зерни треугольной формы (Засецкая, 1994, табл. 12:3–4; 18:4–5; 24; 25:3 и др.).

Возможно, паласа-сыртская бляшка является одним из ранних предметов декора, включающих напой из зерни треугольной формы. Как отмечалось, она содержит 20 фигурок треугольной формы, составленных из трех ядрышек, придающих всей композиции из зерни зубчатость.

Необычным в ее конструкции является открытость края пластинки-основы, неровно обрезанного. Бляшки этого времени изготавливались, как правило, из двух разных материалов. Пластина-основа обтягивалась сверху золотой фольгой, с загибом ее краев на тыльную сторону бляшки, что камуфлировало неровности ее края. В «бляшке» из Паласа-сырта, как отмечалось, край пластины-основы открыт для обозрения.

Ленточная форма двух петелек этой «бляшки», их конфигурация (примятость основания, некоторая однобокая искривленность одной из петелек) и наличие изношенности одного из участков пластины-основы, потребовавшей

починки, свидетельствуют о более значительной нагрузке на изделие, чем могла испытывать нашивная на одежду бляшка. Как отмечалось, паласа-сыртская «бляшка», возможно, имела иное функциональное назначение. По всей вероятности, она служила навершием рукояти кинжала, который был утрачен при ограблении данного комплекса.

Наиболее близкой аналогией паласа-сыртской «бляшке» является золотое навершие рукояти кинжала из богатого погребения конца IV в. у с. Тугозвново на Алтае (Уманский, 1978, с. 138–141, 159, рис. 10, 12), выполненное в виде бляшки овальной формы, основу которой составляет тонкая пластина (1,4×1,9 см) с неровно обрезанными краями. В центре помещена крупная вставка из сердолика, обрамленная однорядной зернью (Уманский, 1978, рис. 10).

В отличие от паласа-сыртской «бляшки» свободное пространство по краю основы навершия из Тугозвново не было декорировано. Навершие крепилось к стержню рукояти кинжала посредством железной петли, продетой сквозь два отверстия на тыльной стороне. Кинжал с этим навершием датируется временем не позднее конца IV в. (Уманский, 1978, с. 160). Учитывая наличие более поздней версии декора «бляшки» из паласа-сыртского погребения кургана 1577 (двухрядная окантовка зернью гнезда вставки, наличие выкладок из зерни треугольной формы по краю изделия), ее можно отнести ко времени конца IV – начала V в. н. э. Золотая «бляшка» из Паласа-сырта отличается высоким технологическим исполнением.

Своеобразие вещевого комплекса погребения 1577 Паласа-сыртского могильника составляют подвески в виде головок бычков с рожками серповидной формы. Сохранилось четыре экземпляра подвесок. Три из них, отлитые из стекла кобальтового цвета, имели высоту 1,1–1,2 см (Гмыря 2015б, рис. 11:1–3).

Уникальным экземпляром является подвеска в виде головки бычка, вырезанная из перламутра. Ее высота составляет 1,4 см (Гмыря 2015б, рис. 1:4).

Аналог включения в инвентарь погребения кургана 1577 Паласа-сыртского могильника стеклянных подвесок в виде стилизованных головок бычков только один – курганная группа № 3 этого могильника, парное погребение мужчины и женщины в кургане 258, п. 1. В этом нарушенном грабителями погребении находилось 3 экз. стеклянных подвесок кобальтового цвета в виде головок бычков с рожками серповидной формы (Гмыря, 2012, с. 158–159, рис. 12:7–9; 13:18,20,22). Причем типологически подвески в виде головок бычков из этого погребения идентичны подвескам из погребения 1577 курганной группы № 6. Аналог перламутровому экземпляру в виде головки бычка из погребения 1577 нам не известен.

С территории Дагестана по публикациям известны единичные находки стеклянных подвесок в виде головок бычков (Атаев, 1961, с. 239–240, рис. 20:1–5; Путинцева, 1961, с. 252, 256, рис. 8:12).

При всем многообразии форм стеклянных и каменных подвесок в материалах памятников Северного Причерноморья античного времени изделий в виде головок бычков среди них нет (Алексеева, 1975; 1978, 1982). Нет их и в материалах средневековых древностей Северного Кавказа (Деопик, 1959, с. 48–65; Мастыкова, 2009).

Наличие в одном погребении (курган 1577, Паласа-сыртский могильник) золотой «бляшки» с декором из зерни в виде треугольных фигур и подвесок в ожерелье в виде головок бычков с рожками серповидной формы не может быть случайностью. Данные изделия демонстрировали не только высокий статус погребенных, но, видимо, и основные символы религиозных верований.

ЛИТЕРАТУРА

- Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М.: Наука, 1993. 325 с.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12/1. М.: Наука, 1975. 94 с., 19 табл.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12/2. М.: Наука, 1978. 104 с., табл. 20–34
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12/3. М.: Наука, 1982. 105 с., табл. 35–54.

Атаев Д.М. Некоторые средневековые могильники Аварии // МАД. Т. II. / Отв. ред. Г.Д. Даниялов. Махачкала: Дагестан. филиал АН СССР, 1961. С. 223–247.

Габуев Т.А. Аланские княжеские курганы V в. н.э. у села Брут в Северной Осетии. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2014. 184 с.

Гмыря Л.Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники. Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, 1993. 367 с.

Гмыря Л.Б. Исследование обособленной группы № 3 на южном участке Паласа-сыртского могильника IV–V вв. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2012. № 3. С. 143–189.

Гмыря Л.Б. Паласа-сыртский курганный могильник у Дербентского прохода (конец IV – первая половина V в.) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов / Отв. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: Рифей, 2013. С. 110–162.

Гмыря Л.Б. Височные привески как социальные маркеры кочевников Западного Прикаспия (по материалам Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв.) // КСИА. 2014. Вып. 234. С. 25–42.

Гмыря Л.Б. Намеренное искажение убора женского костюма в погребальной практике кочевников Западного Прикаспия (по материалам Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв.) // Древние культуры, обряды, ритуалы: памятники и практики / Гл. ред. Е.П. Токарева. Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2015а. С. 194–228.

Гмыря Л.Б. Исследование обособленной курганной группы № 6 на южном участке Паласа-сыртского могильника IV–V вв. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2015б. № 4 (44). С. 105–141.

Гмыря Л.Б. Отчет о раскопках Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв. в Дербентском районе Республики Дагестан в 2015 г. Курганная группа № 6. Махачкала, 2016 / РФ Института ИАЭ ДФИЦ РАН. С. 1–210.

Давудов О.М. Погребальный комплекс Ирагинского могильника // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2013. № 1. С. 56–71.

Деопик В.Б. Классификация бус Северного Кавказа IV–V вв. // СА. 1959. № 3. С. 48–65.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: АО "Эллипс", 1994. 224 с.

Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.

Путинцева Н.Д. Верхнечирюртовский могильник (предварительное сообщение) // МАД. Т. II. / Отв. ред. Г.Д. Даниялов. Махачкала: Дагестан. филиал АН СССР, 1961. С. 248–264.

Уманский А.П. Погребение эпохи «великого переселения народов» на р. Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1978. С. 129–163.

Bóna I. DasHunnen-Reich. Budapest, 1991.

L'or des princesses barbares. Du Caucase a la Gaule Vsiacle apres. J-C. Paris, 2000.

Информация об авторе:

Гмыря Людмила Борисовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН (г. Махачкала, Россия): Lgmyrya@mail.ru

REFERENCES

Abakarov A.I., Davudov, O. M. 1993. *Arkheologicheskaya karta Dagestana (Archaeological map of Dagestan)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1975. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) G1-12/1. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of North Pontic)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) G1-12/2. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1982. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of North Pontic)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12/3. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Ataev, D. M. 1961. In Daniyalov, G. D. (ed.). *Materialy po arkheologii Dagestana (Materials on the Archaeology of Dagestan)* 2. Makhachkala: Dagestan Branch, Academy of Sciences of the USSR Publ., 223–247 (in Russian).

Gabuev, T. A. 2014. *Alanskie knyazheskie kurgany V v. n.e. u sela Brut v Severnoy Osetii (The Alan princely barrows of the V century. AD near the village of Brut in the North Ossetia)*. Vladikavkaz: "Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie im. V. Gassieva" Publ. (in Russian).

Gmyrya, L. B. 1993. *Prikaspiyskiy Dagestan v epokhu Velikogo pereseleniya narodov. Mogil'niki. (Caspian Dagestan in the Great Migration period. Burial grounds)*. Makhachkala: Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Gmyrya, L. B. 2012. In *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii (Herald of the Institute of History, Archaeology and Ethnography)* (3), 143–189 (in Russian).

Gmyrya, L. B. 2013. In Botalov, S. G. (ed.). *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziyskikh gunnov (Huns Forum (Issues of Origin and Identification of the Eurasian Hun Culture))*. Chelyabinsk: "Rifey" Publ., 110–162 (in Russian).

Gmyrya, L. B. 2014. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 234, 25–42 (in Russian).

Gmyrya, L. B. 2015. In Tokareva, E. P. (ed.). *Drevnie kul'ty, obryady, ritualy: pamyatniki i praktiki (Ancient Cults, Ceremonies and Rituals: Monuments and Practices)*. Zimovniki: Zimovniki Museum of Local Lore, 194–228 (in Russian).

Gmyrya, L. B. 2015. In *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii (Herald of the Institute of History, Archaeology and Ethnography)* 44 (4), 105–141 (in Russian).

Gmyrya, L. B. 2016. *Otchet o raskopkakh Palasa-syrtskogo kurgannogo mogil'nika IV–V vv. v Derbentskom rayone Respubliki Dagestan v 2015 g. Kurgannaya grupa № 6. (Report on the excavations of the Palas-Syrt burial mound of the IV–V centuries in the Derbent region of the Republic of Dagestan in 2015. Barrow group No. 6)*. Makhachkala. Manuscript Fund of the Institute of IAE DFRC RAS, 1–210 (in Russian).

Davudov, O. M. 2013. In *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii (Herald of the Institute of History, Archaeology and Ethnography)* 4, 56–71 (in Russian).

Deopik, V. B. 1959. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 48–65 (in Russian).

Zasetskaya, I. P. 1994. *Kul'tura kochevnikov iuzhnorusskikh stepei v gunnskiu epokhu (konets IV–V vv.) (Culture of the Nomads from the South Russian Steppes in the Hun Period (late 4th–5th centuries))*. Saint Petersburg: "Ellips" Publ. (in Russian).

Mastykova, A. V. 2009. *Zhenskii kostium Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ia v kontse IV – seredine VI vv. n. e. (Women's Costume of Central and Western Fore-Caucasus at the End of 4th – Middle 6th Century AD)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Putintseva, N. D. 1961. In Daniyalov, G. D. (ed.). *Materialy po arkheologii Dagestana (Materials on the Archaeology of Dagestan)* 2. Makhachkala: Dagestan Branch, Academy of Sciences of the USSR Publ., 248–264 (in Russian).

Umanskii, A. P. 1978. In Molodin, V. I. (ed.). *Drevnie kul'tury Altaia i Zapadnoi Sibiri (Ancient Cultures of the Altai and Western Siberia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 129–163 (in Russian).

Bona, I. 1991. *Das Hunnen-Reich*. Budapest.

L'or des princes barbares. Du Caucase a la Gaule Vsiecleapres. J-C. Paris, 2000.

About the Authors:

Gmyrya Lyudmila B. Doctor of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Magomeda Yaragskogo St., 75, Makhachkala, 367030, Republic of Dagestan, Russian Federation; Lgmyrya@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2023 г.
Статья принята к публикации 01.10.2023 г.